

ЧЕШСКИЙ «SEMINARIUM KONDAKOVIANUM» КАК МОСТ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ¹

Татьяна Витаутасовна Чумакова

Доктор философских наук, профессор, кафедра философии религии и религиоведения, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет.
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,
Менделеевская линия, д. 5.
E-mail: chumakovatv@gmail.com

Первое десятилетие деятельности семинария имени Никодима Павловича Кондакова в Праге, ставшего всемирно известным благодаря своим изданиям и прежде всего выходящим ежегодно с 1927 г. сборникам «Seminarium Kondakovianum», отмечено рядом научных достижений. Наиболее точно идее моста между Россией и Западом отвечали первые два сборника, в которых принимали участие не только западные исследователи и русские эмигранты, но и ученые, оставшиеся в СССР (Д. В. Айналов, В. Н. Бенешевич, С. А. Жебелев, И. Ю. Крачковский, Н. В. Малицкий, А. А. Спицын, С. Н. Тройницкий). Принцип культурного единства и взаимного влияния Запада и Востока определен во многом тем, что среди создателей «Seminarium Kondakovianum» находились евразийцы (Г. В. Вернадский, Н. П. Толль), и проблематика сборников не без их влияния была чрезвычайно широкой, отражающей многообразие культуры Евразии от Дальнего Востока до Западной Европы. Идея культурного сотрудничества заложена еще в трудах самого Н. П. Кондакова, который демонстрировал в них тесные связи культуры стран византийского макрорегиона и Западной Европы. Само появление «Seminarium Kondakovianum» стало возможно благодаря мосту, созданному правительством Чехословакии в рамках «Русской акции помощи», обеспечившей ученым, вынужденным покинуть Россию, условия для научной деятельности и преподавания. В статье также говорится, что «Русская акция» Т. Масарика возникла не только по политическим причинам, но и благодаря русофильским настроениям чешских и словацких интеллектуалов, немаловажную роль в которых сыграло осмысление кирилло-мефодиевского наследия.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-3-71-86

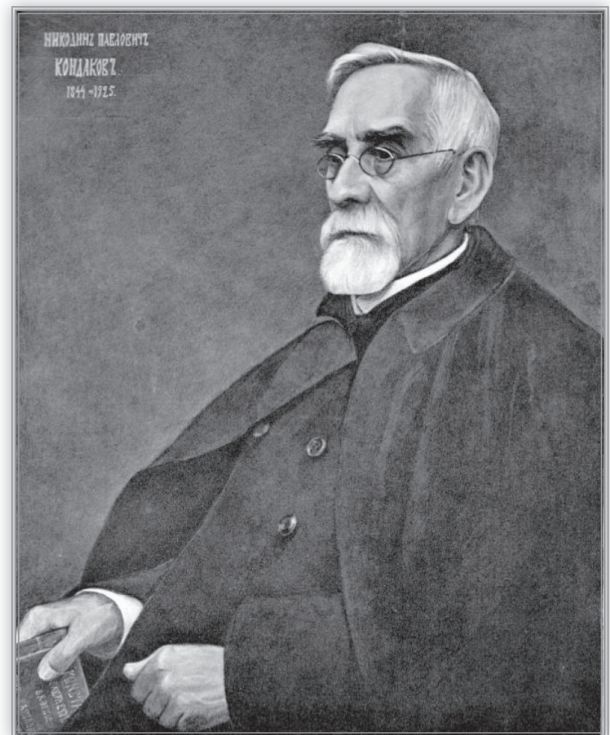
Ключевые слова: «Seminarium Kondakovianum», межкультурный диалог, интеллектуальная история, русское зарубежье, византистика.

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX вв.» Автор благодарит Ирину Антанасиевич за помощь и предоставленные материалы архива Югославии.

Научная деятельность русской эмиграции, в частности «Seminarium Kondakovianum» (семинария имени Н. П. Кондакова), в межвоенной Чехословакии давно привлекает внимание исследователей (Rhineland, 1974). Библиография этих исследований достаточно обширна (Mach, 2012; Беляев, 2000), но многие аспекты стали объектом изучения только в последнее десятилетие. Среди них и вопрос о «Seminarium Kondakovianum» как о мосте, связующем звене между культурами Востока и Запада, Запада и России (Foletti, Lovino, Tvrzníková, 2018).

Благодаря гостеприимной политике Чехословакии в 1920-е гг. Прага стала одним из крупнейших культурных и научных центров русской эмиграции. Ее называли «русским Оксфордом» (Серापionova, 1995), поскольку там, как и в других городах страны, открывались русские учебные заведения, куда приглашались ученые для чтения лекций (Досталь, 2008).

В 1917 г. чешские политики возлагали большие надежды на перемены в бывшей Российской империи. Томаш Масарик, приветствуя Февральскую революцию, писал: «Свободная Россия всегда была идеалом всех прогрессивно настроенных мыслителей и политиков <...> и является вернейшим условием справедливого разрешения всех славянских проблем, а также переустройств и организации Европы на новых началах <...>. Чехи всегда были русофилами, и мы горим еще большей любовью к свободной России» (Марьина, 2013: 42). Но после победы большевиков стало ясно, что мечты далеки от реальности, однако чешские власти надеялись, что все еще может измениться к лучшему, надо только поддержать российскую интеллигенцию, оказавшуюся в тяжелом положении, и позволить ей продолжить работу по развитию русской культуры и образования за пределами России. Такая возможность появилась благодаря политике чешских властей, и прежде всего президента Т. Масарика, а также министра иностранных дел Э. Бенеша, разработавших государственный план помощи русским эмигрантам, известный как «Русская акция помощи». Чехословакия до 1926 г. материально поддерживала эмигрантов из Российской империи (в 1927 г. финансирование сократилось,



Н. Г. Яшвиль. Портрет Н. П. Кондакова.
Холст, масло. 1925–1926.
Архив Института истории искусства
Академии наук Чешской Республики.
Kondakov Institut. Прага

но продолжалось до середины 1930-х гг., когда президентом стал Э. Бенеш). При этом основной упор делался на поддержку ученых и преподавателей и развитие «русской» образовательной среды от детского сада до университета (Mchitarjan, 2009).

Такой политике чехословацких либеральных властей способствовали два фактора: во-первых, надежда на скорое падение большевистского режима и возрождение демократии на территории СССР (Johnson, 2007), во-вторых, симпатии к «братьям-славянам» (материально поддерживались и украинские учреждения). Немаловажное влияние оказал религиозно-культурный фактор — обращение к кирилло-мефодиевской традиции, сыгравшей роль моста между славянами, относящимися к разным религиозным группам. Святые неразделенной церкви, проповедовавшие христианство среди славян, Кирилл и Мефодий стали популярными в славянской среде еще в XVI в. В это время конструирование чешской и словацкой кирилло-мефодияны становится частью формирующегося национального мифа. Словацкая исследовательница Э. Ковальская в статье «Традиция национальных святых Кирилла и Мефодия: возникновение и использование в политической пропаганде словацкого национализма» убедительно продемонстрировала, как проходил процесс включения свв. Кирилла и Мефодия в словацкую историческую традицию, что привело к тому, что «постепенно они превратились в национальные символы и сегодня играют огромную роль в рамках символических представлений о нации» (Ковальская, 2013: 68). Но особый размах их почитание в славянской среде приобрело в XIX в., что связано с различными внутренними и внешними факторами (среди которых важным стало движение за национальную и государственную независимость). Исторически XIX в. ознаменовался образованием национальных государств по всей Европе. Исследователи отмечают: «Открытие и оформление культа Кирилла и Мефодия в качестве фигур, которые могут мобилизовать тех, кому адресовалась пропаганда зарождавшегося национального движения, имели место у разных славянских народов как в составе Австро-Венгерской монархии, так и на Балканах. Для славянских народов остро стояли, с одной стороны, вопросы национального языка, создания национальных государств, для чего была необходима артикуляция конструктов национальной идентичности, а с другой стороны, постоянно звучали идеи всеславянского единства или идеи религиозного единения славян. Во всех странах инициаторами превращения Кирилла и Мефодия в национальных героев выступила интеллигенция, причем их собственная конфессиональная принадлежность играла при этом явно второстепенную роль» (Белякова, Токарева, 2015: 83).

Таким образом, Кирилл и Мефодий стали национальными героями, чему повсеместно способствовал образованный слой населения. Эти тенденции активно

использовали власти Российской империи, которые в XIX в. усилили официальное и неофициальное (с помощью культурных и религиозных связей) присутствие на Ближнем Востоке (Gerd, 2014), в различных регионах Европы, и в частности на Балканах. Организация кирилло-мефодиевских юбилеев в Российской империи, поддержка различных славянских инициатив за ее пределами и проч. способствовали укреплению престижа России в среде гуманитарной интеллигенции славянских стран, в том числе чехов и словаков. Это не только формировало интерес к общему для католиков и православных наследию единой христианской церкви (что характерно для второй половины XIX в., когда поиски религиозного обновления способствовали усилению экуменических настроений среди христиан разных конфессий), но и порождало положительное отношение к русской культуре в среде национальных культурных элит.

Если говорить об исключительно религиозном аспекте кирилло-мефодиевской традиции, то надо отметить, что в конце XIX — начале XX вв. внимание к кирилло-мефодиевской традиции способствовало как становлению поместной Чехословацкой православной церкви (современное название — Православная церковь Чешских земель и Словакии), костяк которой составили бывшие католические священники и их прихожане, так и возникновению доныне существующей Чехословацкой гуситской церкви. Эта церковь заявляет о своей преемственности с идеями Яна Гуса, в чьих взглядах можно обнаружить значительное сходство с православной сакраментологией, особенно в части учения о евхаристии (что важно, поскольку вопрос о евхаристии как о важнейшей составляющей жизни христианской общины оказывается одним из центральных в религиозных дискуссиях XIX в.). Любопытно, что поиски возможного православного влияния на богословские представления гуситов и самого Яна Гуса повлияли на усиление интереса к гуситскому движению светских и конфессиональных исследователей в России, особенно на фоне интереса к экуменической проблематике (обсуждение вопроса о возможности объединения англиканской и православной церквей, возможность объединения старокатоликов с православными и проч.). Это отдельное, большое и хорошо исследованное явление; в данном случае оно привлекает нас как пример одного из «мостов», наведенных между Чехией и Россией еще в позапрошлом столетии, способствовавших интеллектуальному, культурному и даже религиозному сближению чешских и российских интеллектуалов несмотря на культурные и религиозные различия (до сих пор значительная часть населения Чехии исповедует католицизм: Havlíček, 2013), а также усилению интереса к православию. Все перечисленные проблемы являлись важной составляющей научных штудий участников «*Seminarium Kondakovianum*».

Конечно, основная заслуга в создании семинария принадлежала самому Никодиму Павловичу Кондакову (1844–1925) — медиевисту, византинисту, архео-

логу, историку искусства и организатору музейного дела. Ученик Ф. И. Буслаева, который в России первым начал серьезно изучать иконы и книжную миниатюру как неотъемлемую часть древнерусской культуры, рассматривая их как визуализацию книжного текста, он достойно продолжил исследовательскую традицию, начатую учителем. Уже его магистерская диссертация «Памятник Гарпий из Малой Азии и символика греческого искусства» (1873), а затем и докторская — «История Византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» (1876) — свидетельствовали о направленности его интереса на слияние методов археологии, источниковедения и сравнительно-исторического анализа памятников культуры. Преподавал в Новороссийском университете в 1877–1887 гг., с 1888 г. жил в Петербурге, где читал лекции на Высших женских курсах, в Санкт-Петербургском университете (до 1897 г.), а также служил старшим хранителем отделения искусства Средних веков и Возрождения Эрмитажа и принимал деятельное участие в формировании иконописной коллекции Русского музея.

До революции Н. П. Кондаков активно занимался научно-организационной деятельностью, был управляющим делами Комитета попечительства о русской иконописи, участвовал в создании Русского археологического института в Константинополе. Действительный член Русского археологического общества, он в 1898 г. избран действительным членом Императорской академии наук. С 1907 г. почетный член Киевской духовной академии, с 1908 г. — Петербургской. В своих трудах придерживался научных взглядов, специально оговаривая невозможность конфессионального подхода при изучении памятников Средневековья и поздней Античности. Благодаря прекрасному знанию как византийского и древнерусского, так и западноевропейского искусства и культуры он уделял большое внимание компаративным исследованиям. Этот подход (что хорошо демонстрирует его работа «Иконография Богоматери», 1914–1915) помог ученому показать взаимодействие разных культурных и религиозных традиций, не только не прекратившееся после разделения церквей, но и усилившееся в раннее Новое время. Разработанный Никодимом Павловичем «иконографический метод» оказал значительное влияние на последующие исследования в области культуры.

Исследователь придерживался консервативных взглядов. Так, в 1901 г. он стал одним из учредителей черносотенного «Русского собрания», однако участия в его деятельности не принимал (вполне возможно, что вступление в эту организацию было нужно для реализации каких-то проектов. Судя по дневникам Кондакова, духовной близости с организаторами подобных институций он не испытывал, антисемитизм его не коснулся. Да и к этому времени ученый разочаровался в православии, хотя, по собственному замечанию, оставался христианином).

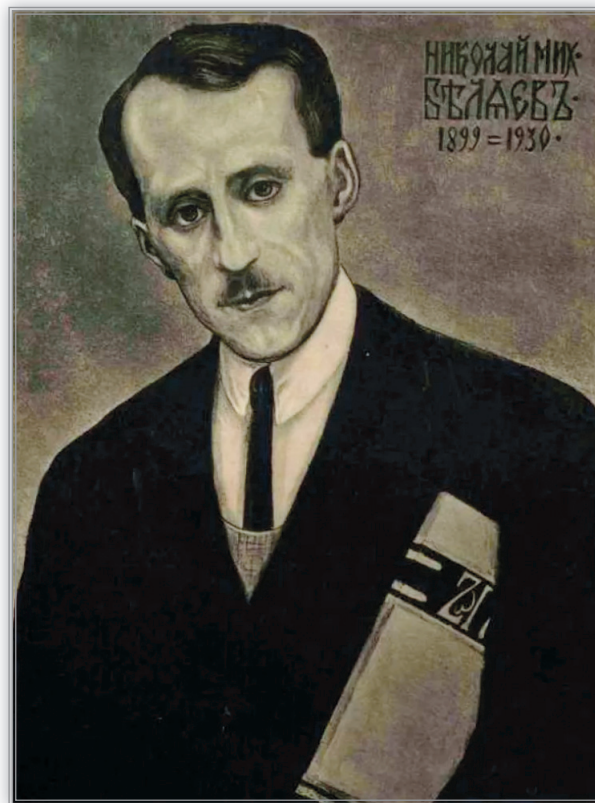
Сразу после Февральской революции Кондаков уехал в Одессу, в 1920 г. эмигрировал в Болгарию, но оставался там недолго и по личному приглашению президента Чехословакии Масарика перебрался с семьей в Прагу, где с 1922 г. преподавал в Карловом университете. После смерти ученого в 1925 г. организован медиевистский и византиноведческий «*Seminarium Kondakovianum*», результатом деятельности которого стали 11 сборников. «*Seminarium Kondakovianum*» (с 1931 г. Археологический институт им. Н. П. Кондакова) — крупнейший среди русских научных учреждений «в изгнании», и возник он возник благодаря помощи Чехословацкой Республики.

Своего рода программным документом нового семинария стал отчет о его деятельности за первый год существования, опубликованный в сборнике памяти Кондакова, подписанный «Руководители семинария: проф. Г. В. Вернадский, проф. А. П. Калитинский». Этот текст четко обозначил место Н. П. Кондакова на научной карте мира: благодаря ему русские византилисты и русская византистика в целом, понимаемая как масштабное, междисциплинарное исследование культуры не только Византии, но и стран византийского макрорегиона, стали известны всему мировому сообществу. Трагическую роль здесь сыграла и Гражданская война, выплеснувшая за пределы России множество талантливых людей. Одни, как Кондаков, были учеными уже с мировым именем, другие, как Георгий Владимирович Вернадский (1888–1973), — известными учеными, но общение с Кондаковым сыграло большую роль в их последующей научной работе. Вернадский писал, что Кондаков «ввел его в “скифо-сарматский мир” и пробудил интерес к истории аланов» (Болховитинов, 2005: 37), и в Праге Вернадский написал и опубликовал в 1927 г. первое евразийское историческое сочинение «Начертание русской истории».

Третья группа участников семинария — Николай Михайлович Беляев (1899–1930) и Николай Петрович Толль (1894–1985) — до приезда в Прагу успели получить лишь гимназическое образование, поскольку с началом Первой мировой войны были отправлены в военные училища. Как ученые они во многом сформировались под влиянием Кондакова в Праге. Николай Ефремович Андреев (1908–1982), фактически возглавивший пражский институт после отъезда Вернадского в США, смог закончить гимназию только в 1927 г. и уже не застал Кондакова, но научно сформировался на занятиях в семинарии.

Живя в России, Кондаков преподавал в Одессе и Петрограде и сумел воспитать целую когорту учеников, воодушевляя их своим профессионализмом и научным энтузиазмом. То же самое продолжилось в Карловом университете в Праге. Его влияние на развитие сначала археологии, а затем и смежных дисциплин трудно переоценить; всегда вокруг него формировался кружок учеников, нуждавшихся в углублении знаний, полученных на лекциях. Г. Вернад-

ский и А. Калитинский в 1926 г. писали: «Н. П. Кондаков, глубокий ученый, оказавший своими работами длительное влияние на развитие археологической науки не только русской, но и всемирной, был вместе с тем незаменимым учителем для более узкого круга учеников и последователей, которых он захватывал и воодушевлял своим научным энтузиазмом. За всю многолетнюю преподавательскую деятельность Кондакова и в Одессе, и в Петрограде вокруг него постоянно сосредотачивались люди, привлеченные им к научному деланию. Многих из них уже нет в живых, другие продолжают работать во славу русской науки. Точно так же за последние годы жизни Кондакова, в связи с преподаванием его в Карловом университете в Праге, вокруг него образовался кружок учеников, стремившихся ближе и детальнее разрабатывать под руководством учителя те вопросы, которые затрагивались им на его лекциях» (Вернадский, Калитинский, 1926: 297). Они также отмечали, что «Н. П. Кондаков читал курс в Карловом университете в Праге — доступный фактически всем желающим слушать; кроме того, он руководил занятиями студенческого семинария в Карловом же университете; затем на дому у Н. П. Кондакова образовался как бы особый семинар *privatissima* <...> Для этого ближайшего тесного кружка Никодим Павлович был средоточием духовной жизни, учителем, с которым можно было говорить обо всем, не боясь своего незнания; живою совестью, перед лицом которой нельзя было кривить душою» (Там же). После смерти ученого участники кружка решили сохранить память учителя и продолжить работу семинария, похожего на русские философские кружки XIX в. Помимо научного фактора работал и человеческий: казалось, что, прервав связи, ставшие столь тесными, ученики предадут память учителя. Единство личных и научных склонностей оказалось решающим. Так в апреле 1925 г. возник семинарий имени Н. П. Кондакова («*Seminarium Kondakovianum*»), уникальное дружески-научное объединение. Вот состав участников: М. А. Андреева, Н. М. Беляев, Г. В. Вернадский, А. П. Калитинский, Л. П. Кондарацкая, В. Н. Лосский, Т. Н. Родзянко,



Н. Г. Яшвиль. Портрет Н. М. Беляева.
Холст, масло. 1930–1932.
Архив Института истории искусства
Академии наук Чешской Республики.
Kondakov Institut. Прага

Д. А. Рассовский, Н. В. Толль, Н. П. Толль, Н. Г. Яшвиль. Гости семинара бывали С. К. Терещенко, А. В. Флоровский, хранитель Будапештского музея Ф. Феттих. Руководить семинаром стали Вернадский и Калитинский. Собрания прерывались на летние месяцы. «На собраниях семинария выслушивались и обсуждались доклады двух родов: 1) изложение вопросов связанных с научной работой членов семинария; 2) ознакомление членов семинария с новостями научной литературы. Предметом работы семинария являются главным образом археология (в широком смысле этого слова) и византиноведение» (Там же). С самого начала участники поняли необходимость создания библиотеки и музея, ставшие ядром научно-художественного объединения единомышленников, связанных общими идеями (о чем мы зачастую можем только догадываться, опираясь на переписку). Немалую роль тут сыграла принадлежность к православной церкви. В данном случае речь не идет о формальной соотнесенности, а о сознательном религиозном выборе, как, например, у Вернадского и его сестры, психиатра Нины Владимировны Вернадской-Толль. В отличие от отца, академика В. В. Вернадского, чьи религиозные взгляды были ближе к современным нью-эйджевским религиозным концепциям (сам он называл себя верующим атеистом и философским скептиком), брат и сестра активно участвовали в религиозной жизни (Сорокина, 2011: 236). Г. В. Вернадский был уверен, что причиной, приведшей их в церковь, оказалась Октябрьская революция: «Вероятно, большевистский переворот обратил меня к церкви и оживил Ниноно религиозное чувство» (Болховитинов, 2005: 27). Очень религиозны была княгиня Наталья Григорьевна Яшвиль (1861–1939) и ее дочь Татьяна Николаевна Родзянко (Husso, 2020; Kotkavaara, 1999).

Как уже говорилось, с 1927 г. финансирование эмигрантских институций в Чехословакии начало сворачиваться. Но пока президентом оставался Масарик, оно продолжалось. Так, в октябре 1928 г. президент Масарик учредил две стипендии при археологическом семинарии имени Н. П. Кондакова для неимущих русских студентов Карлова университета, избравших специальностью русскую археологию, историю искусств и близкие к ним дисциплины. Благодаря этому семинарий получил возможность финансово поддерживать способных студентов. После того как Масарика на президентском посту сменил Бенеш, финансирование эмигрантских инициатив прекратилось, поскольку президент «уже не хотел тратить деньги на эмиграцию» (Rogatchevski, 2006: 139), да и международная обстановка усложнилась. Усложнилось и положение внутри института. Фактически назрел раскол из-за того, что руководство решило перевести его в Белград, поскольку 26 августа 1938 г. югославские власти выделили на нужды институции 80 000 динаров: это не было неожиданностью: и ранее князь Павел Карагеоргиевич оказывал финансовую поддержку Институту Кондакова, что подтверждают архивные источники, хранящиеся в Белграде (Архив Југославије: 892–893). Благодаря



Фотография помещения Института Кондакова (Прага) в конце 1930-х годов.
Архив Института истории искусства Академии наук Чешской Республики.
Kondakov Institut. Прага

финансовой поддержке было создано белградское отделение института, куда была отправлена часть библиотеки. Работа белградского отделения продлилась недолго. В начале апреля 1941 г. при налете германской авиации на Белград погиб Д. А. Расовский (супруги Толль еще в 1939 г. уехали в США), и в 1941 г. осенью все имущество семинария вернулось в Прагу, где Институт Кондакова продолжал существовать вплоть до 1945 г.

Научная деятельность участников семинария, выполнявшая функцию моста между культурами, проходила по нескольким направлениям: византийские исследования, и в первую очередь изучение иконописи и книжной миниатюры (серия «Зографика»), монографии выходили одновременно на русском и английском (переводила княгиня Наталья Яшвиль и ее дочь Татьяна Родзянко), изучение культуры кочевников (серия «Скифика», инициатива евразийца Вернадского, впрочем, вышел всего один том), а также организация выставок икон и практических занятий иконописью. Эти труды вполне отражали принцип культурного единства и взаимного влияния Запада и Востока, что во многом объяснялось присутствием среди создателей «Seminarium Kondakovianum» евразийцев Вер-

надского и Толля. Проблематика сборников не без их влияния оказалась чрезвычайно широкой, отражающей многообразие культуры Евразии от Дальнего Востока до Западной Европы.

Сборники статей «*Seminarium Kondakovianum*», выходявшие в 1927–1940 гг. (10 выпусков в Праге, последний в Белграде), особенно первые два номера, были воплощением представления о науке, уничтожающей политические и идеологические границы. В них приняли участие не только известные западные исследователи, такие как Л. Нидерле, и русские эмигранты, но и ученые, оставшиеся в СССР: Д. В. Айналов (1862–1939), В. Н. Бенешевич (1874–1938), С. А. Жебелев, И. Ю. Крачковский, Н. В. Малицкий (1881–1938), А. А. Спицын (1858–1931), С. Н. Тройницкий (1882–1948). К сожалению, идеологические границы быстро сузились, и в жизни этих ученых участие в эмигрантском издании сыграло трагическую роль. Айналов в 1929 г. уволен из Эрмитажа и репрессирован. Бенешевич первый раз арестован вскоре после выхода сборников Особым совещанием при ОГПУ 14 июня 1929 г. по обвинению в шпионаже в пользу Ватикана, Германии и Польши и подготовке унии Православной церкви с Римом (после ряда арестов и ссылок расстрелян) (Ананьев, Бухарин, 2019). В 1930 г. Малицкий и патриарх русской археологии А. А. Спицын были выведены из штата Государственной академии материальной культуры (ГАИМК) за публикации в «*Seminarium Kondakovianum*» (Тункина, 2008); Малицкого арестовали в 1933 г. по делу Российской национальной партии («Дело славистов»), он умер в лагере.

Как уже говорилось, деятельность сотрудников «*Seminarium Kondakovianum*» не ограничивалась научной работой, и тут необходимо упомянуть о роли, которую в жизни семинария (а позже Института) имени Н. П. Кондакова играла княгиня Наталия Григорьевна Яшвиль. До самой кончины она использовала все свои связи среди политической и культурной элиты Чехословакии для поддержания успешной работы семинария. Также она вместе с дочерью Татьяной Родзянко занималась переводом текстов участников семинария на английский язык, готовила англоязычные издания их трудов. В частности, они перевели на английский монографию А. И. Анисимова о Владимирской иконе Божьей матери, опубликованную в серии «Зографика» (1928).

Но не менее важным вкладом и в деятельность семинария, и в популяризацию восточно-христианской культуры были занятия иконописью. Познакомившись с Кондаковым в Праге, Н. Г. Яшвиль во многом под влиянием его трудов занялась иконописанием (Андреев, 1940: 238) и в стилистике, близкой к стилю модерн, написала портреты Кондакова и Беляева. О некоторых ее иконописных замыслах известно по переписке с А. П. Калитинским (Росов, 1997: 229). Любопытно, что одной из ее работ была икона с изображением Иоасафа. С его историей в Средние века были знакомы и Восток, и Запад благодаря «Повести о Варлааме и Иоасафе», очень популярной и у христиан, и у буддистов, мусульман, зороа-

стрийцев и манихеев. Рассказ о крещении индийского царевича — христианизированная версия жизнеописания Будды. Благодаря повести Будда стал известен в христианском мире под именем святого Иоасафа (Иосафата) и почитается как православной, так и католической церковью (Classen, 2000). Без сомнения, Н. Г. Яшвиль была хорошо знакома с этой легендой, которая с конца XIX в. привлекала большое внимание как европейских, так и российских исследователей. Свой эскиз иконы (через посредство Калитинского) она представила Николаю Рериху, предложившему несколько изменить изображение: «вместо многоэтажной башни (на Вашем рисунке справа) изобразить буддийскую “ступу” по прилагаемому рисунку... вместо здания с зеленым куполом и прилегающей к нему галереи — изобразить постройку из Аджанты» (Росов, 1997: 229–230). Неизвестно, чем закончилась история с этой иконой, но мало кто в те годы сделал больше для популяризации иконы в Европе, чем Яшвиль. Она занималась не только иконописанием, но и книжной графикой, а также выпускала открытки на рождественские темы, пользовавшиеся большой популярностью в англо-саксонском мире (Андреев, 1940). По ее инициативе (при участии дочери и Н. П. Толля) весной 1932 г. в Праге организована большая выставка русских икон XV–XIX вв.

Княгиню Яшвиль интересовала не только практика иконописи. Она много делала для того, чтобы древняя традиция жила и становилась известна во всем мире. Трижды она устраивала в Праге иконописные курсы, которые проводились иконописцем-старовером Пименом Максимовичем Софроновым (1899–1973), лучшим учеником известного федосеевского наставника Гавриила Евфимиевича Фролова (1854–1930). Софронов приезжал в Чехословакию из родной Эстонии по приглашению Института Кондакова. Эти курсы закончили более двадцати человек (Юрьева, 2020). Софронов не только прекрасно владел традиционной техникой иконописи, но и сумел выработать собственный стиль, сделавший его работы известными повсеместно. В 1930 г. он переехал из Эстонии в Ригу, где работал иконописцем при Гребенщиковской старообрядческой общине. Также занимался в Праге реставрацией икон и писал новые. В частности, написал икону для жены Карла Крамаржа (первого премьер-министра страны) Надежды Николаевны Хлудовой. Из Праги иконописец перебрался в Рим, где выполнил пятиярусный иконостас по заказу Святейшего престола, и во время Второй Мировой войны жил и работал в Ватикане (в музеях Ватикана хранятся 56 икон Софронова). После войны, в 1947 г., Софронов переехал в США, где продолжал писать иконы и фрески, проводить выставки, обучать технике иконописи и читать лекции. Его архив хранится в библиотеке Университета Огайо.

Даже такой беглый и во многом поверхностный взгляд на деятельность «*Seminarium Kondakovianum*» позволяет увидеть, насколько интересной и важной для науки и культуры была его недолгая деятельность и какой огромный вклад в создание мостов между Востоком и Западом внесли его члены.

Литература

- Ананьев В. Г., Бухарин М. Д.** (2019) «Все горе в звериной ненависти к византиноведению...»: В. Н. Бенешевич и Академия наук СССР в 1933–1937 гг. // Византийский временник. № 103. С. 314–338.
- Андреев Н. Е.** (1940) Княгиня Н. Г. Яшвиль // «Seminarium Kondakovianum». Т. XI. С. 236–240.
- Беляев С. А.** (2000) Семинарий имени академика Н. П. Кондакова — неотъемлемая часть русской национальной культуры // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1. С. 95–105.
- Белякова Н. А., Токарева Е. С.** (2015) Кирилло-мефодиевские юбилеи в России и СССР в контексте конструкторов национальной и религиозной идентичности в странах славянского мира и выстраивания отношений с католицизмом // Научный диалог. № 1(37). С. 81–107.
- Болховитинов Н. Н.** (2005) Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН. 139 с.
- Вернадский Г. В., Калитинский А. П.** (1926) Отчет о работах Семинария имени Н. П. Кондакова в Праге за первый год его существования (по 17 февраля 1926 г.) // Сборник статей, посвященный памяти академика Н. П. Кондакова. Прага: «Seminarium Kondakovianum». С. 297–298.
- Досталь М. Ю.** (ред.) (2008) Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии: Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН. 269 с.
- Ковальская Э.** (2013). Традиция национальных святых Кирилла и Мефодия: возникновение и использование в политической пропаганде словацкого национализма // Славяноведение. № 2. С. 68–78.
- Марьина В. В.** (2013) Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек: 1884–1948. М.: Индрик. 488 с.
- Росов В. А.** (1997) Письма А. П. Калитинского в семинарий им. Н. П. Кондакова // Ариарта. № 1. С. 227–272.
- Серапионова Е. П.** (1995) Российская эмиграция в Чехословацкой республике. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН. 197 с.
- Сорокина М. Ю.** (2011) Прага в судьбе семьи Вернадских // *Slavia: Casopis pro slovanskou filologii*. Praha. R. 80, s. 223–232.
- Тункина И. В.** (2008) А. А. Спицын и готская группа ГАИМК // URL: http://ranar.spb.ru/files/visual/Tunkina_PDF/Tunkina_Spitzyn.pdf (дата обращения: 15 июля 2020).
- Classen A.** (2000) Kulturelle und religiöse Kontakte zwischen dem christlichen Europa und dem buddhistischen Indien im Mittelalter. Rudolfs von Ems Baarlam und Josaphat im europaischen Kontext. *Fabula*, 41, № 3–4, pp. 203–228.
- Foletti I., Lovino F., Tvrznikova V.** (2018) From Kondakov to the Hans Belting Library: Emigration and Byzantium — Bridges between Worlds. Brno, Rim: Masarykova univerzita. 151 s.
- Gerd L.** (2014) Russian Policy in the Orthodox East. The Patriarchate of Constantinople (1878–1914). De Gruyter. 144 p.
- Havlíček J., Lučný D.** (2013) Religion and Politics in the Czech Republic: The Roman Catholic Church and the State // *International Journal of Social Science Studies*, vol.1, no 2; October. Available at: <http://redfame.com/journal/index.php/ijsss/article/viewFile/145/175> (accessed 15 July 2000).
- Husso K.** (2020) Obedient artists and mediators: Women icon painters in the Finnish Orthodox Church from the mid-twentieth to the twenty-first century // *Orthodox Christianity and Gender: Dynamics of Tradition, Culture and Lived Practice*, Routledge Studies in Religion. Eds.: Kupari H., Vuola E. Abingdon: Routledge, pp. 63–79.

- Johnson S.** (2007) "Communism in Russia Only Exists on Paper": Czechoslovakia and the Russian Refugee Crisis, 1919–1924 // *Contemporary European History*, 16 (3), pp. 371–394.
- Kneeley, R., Kasinec, E.** (1992) The Slovanska Knihovna in Prague and its RZIA Collection // *Slavic Review*, 51(1), pp. 122–130.
- Kotkavaara K.** (1999) Progeny of the Icon: Émigré Russian Revivalism and the Vicissitudes of the Eastern Orthodox Sacred Image. Åbo Akademi University Press. 395 p.
- Mach J.** (2012) Rusti intelektualove v emigraci a jejich institucionalni zakladna v Praze (na modelu Ruske svobodne univerzity a pridruzenych instituci, 1923–1945). Disertacni prace. Brno. 235 s.
- Mchitarjan I.** (2009) Prague as the centre of Russian educational emigration: Czechoslovakia's educational policy for Russian emigrants (1918–1938) // *Paedagogica Historica*, 45:3, pp. 369–402.
- Philliou C.** (2009). Communities on the Verge: Unraveling the Phanariot Ascendancy in Ottoman Governance // *Comparative Studies in Society and History*, 51 (1), pp. 151–181.
- Rhineland L.** (1974) Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute. *Canadian Slavonic Papers* / | *Revue Canadienne Des Slavistes*, 16 (3), 331–352.
- Rogatchevski A.** (2006). Николай Андреев в Праге (1927–1945): Материалы к биобиблиографии // *New Zealand Slavonic Journal*, 40, pp.115–161.

Архивы

Архив Југославије. Фонд бр. 66. Фасц.бр. 569. Јед. 892–893.

CZECH “«SEMINARIUM KONDAKOVIANUM»” AS A BRIDGE BETWEEN RUSSIA AND THE WEST

Tatiana Chumakova

Professor, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies,
Institute of Philosophy, St. Petersburg State University,
5 Mendeleevskaya liniya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
E-mail: chumakovatv@gmail.com

The first decade of the activity of Nikodim Pavlovich Kondakov Seminary in Prague, became world famous thanks to its publications and above all to collections “Seminarium Kondakovianum” published annually since 1927 was marked by a number of scientific achievements. The first two collections gather not only Western researchers and Russian emigrants but also scientists who remained in the USSR (D. V. Ainalov, V. N. Beneshevich, I. Yu. Krachkovsky, N. V. Malitsky, A. A. Spitsyn, S. N. Troinitsky, S. A. Zhebelev). The principle of cultural unity and mutual influence of West and East is largely determined by the fact that among creators of “Seminarium Kondakovianum” there were Eurasians (G. V. Vernadsky, N. P. Toll) and problems of the collections (not without their influence) were extremely broad and reflecting the diversity of culture of Eurasia from the Far East to Western Europe. The idea of cultural cooperation was laid down in the works of N. P. Kondakov who demonstrated close ties between the culture of countries of the Byzantine macroregion and Western Europe in his works. But the very appearance of the “Seminarium Kondakovianum” became possible thanks to the bridge made by government of Czechoslovakia in framework of “Russian action” creating conditions for scientists forced to leave Russia for scientific activity and teaching. The article also tells that T. Masaryk’s “Russian Action” arose not only for political reasons but thanks to the Russophile sentiments of Czech and Slovak intellectuals believing Cyril and Methodius’ heritage played an important role.

Keywords: “Seminarium Kondakovianum”, intercultural dialogue, intellectual history, Russian emigration, Byzantine studies.

References

- Anan’ev V. G., Bukharin M. D. (2019) «Vse gore v zverinoj nenavisti k vizantinovedeniyu...»: V. N. Beneshevich i Akademiya nauk SSSR v 1933–1937 gg. [“The Reason is Savage Hatred against the Study of Byzantium...”: V. N. Beneshevich and the Academy of Sciences of the USSR in 1933–1937]. *Vizantijskij vremennik*, no 103, pp. 314–338 (in Russian).
- Andreev N. (1940) Knyaginya N. G. Yashvil [Princess N. G. Yashvil]. «*Seminarium Kondakovianum*», vol. XI, pp. 236–240 (in Russian).

- Belyaev C. A. (2000) Seminarij imeni akademika N. P. Kondakova — neot"emlemaya chast' russkoj natsional'noj kul'tury [Seminary Named after Academician N. P. Kondakov — an Integral Part of Russian National Culture]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, no 1, pp. 95–105 (in Russian).
- Belyakova N. A., Tokareva E. S. (2015) Kirillo-mefodievskie yubilei v Rossii i sssr v kontekste konstruktov natsional'noj i religioznoj identichnosti v stranakh slavyanskogo mira i vystraivaniya otnoshenij s katolitsizmom [Cyril and Methodius Anniversaries in Russia and the USSR in the Context of Constructs of National and Religious Identity in the Countries of the Slavic World and Building Relations with Catholicism]. *Nauchnyj dialog*, no 1 (37), pp. 81–107 (in Russian).
- Bolkhovitinov N. N. (2005) *Russkie uchenye-jemigranty (G. V. Vernadskij, M. M. Karpovich, M. T. Florinskij) i stanovlenie rusistiki v SShA* [Russian Scientists-Emigrants (G. V. Vernadsky, M. M. Karpovich, M. T. Florinsky) and the Formation of Russian Studies in the USA], Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Classen A. (2000) Kulturelle und religiöse Kontakte zwischen dem christlichen Europa und dem buddhistischen Indien im Mittelalter. Rudolfs von Ems Baarlam und Josaphat im europäischen Kontext, *Fabula*, 41, no 3–4 (in German).
- Dostal M. Yu. (ed.) (2008) *Rossijskie uchenye-gumanitarii v mezhuvoennoj Chekhoslovakii. Sbornik statej* [Russian Humanities Scientists in Interwar Czechoslovakia. Digest of Articles], Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN (in Russian).
- Foletti I., Lovino F., Tvrzníková V. (2018) *From Kondakov to the Hans Belting Library: Emigration and Byzantium — Bridges between Worlds*, Brno, Řím: Masarykova univerzita (in English).
- Gerd L. (2014) *Russian Policy in the Orthodox East. The Patriarchate of Constantinople (1878–1914)*, De Gruyter (in English).
- Havlíček1 J., Lužný D. (2013) Religion and Politics in the Czech Republic: The Roman Catholic Church and the State. *International Journal of Social Science Studies*, vol. 1, no 2, October. Available at: <http://redfame.com/journal/index.php/ijsss/article/viewFile/145/175> (accessed 15 July 2020) (in English).
- Husso K. (2020) Obedient artists and mediators: Women icon painters in the Finnish Orthodox Church from the mid-twentieth to the twenty-first century. *Orthodox Christianity and Gender. Dynamics of Tradition, Culture and Lived Practice, Routledge Studies in Religion* (eds. Kupari H., Vuola E.), Abingdon: Routledge, pp. 63–79 (in English).
- Johnson S. (2007) "Communism in Russia Only Exists on Paper": Czechoslovakia and the Russian Refugee Crisis, 1919–1924. *Contemporary European History*, no 16 (3), pp. 371–394 (in English).
- Kneeley, R., Kasinec, E. (1992). The Slovanska Knihovna in Prague and its RZIA Collection. *Slavic Review*, no 51 (1), pp. 122–130 (in English).
- Kotkavaara K. (1999). *Progeny of the Icon: Émigré Russian Revivalism and the Vicissitudes of the Eastern Orthodox Sacred Image*, Åbo Akademi University Press (in English).
- Kovalskaya E. (2013). Traditsiya natsional'nykh svyatykh Kirilla i Mefodiya: vznik i ispol'zovanie v politicheskoy propagande slovatskogo natsionalizma [The Tradition of National Saints Cyril and Methodius: the Emergence and Use of Slovak Nationalism in Political Propaganda]. *Slavyanovedenie=Slavic Studies*, no 2, pp. 68–78 (in Russian).

- Mach J. (2012) *Ruští intelektuálové v emigraci a jejich institucionální základna v Praze (na modelu Ruské svobodné univerzity a přidružených institucí, 1923–1945)*, Disertacní práce. Brno (in Slovak).
- Mar'ina V. V. (2013) *Vtoroj prezident Čechoslovakii Edvard Benesh: politik i chelovek: 1884–1948* [Second President of Czechoslovakia Edvard Beneš: Politician and Person: 1884–1948], Moscow: Indrik (in Russian).
- Mchitarjan I. (2009) Prague as the Centre of Russian Educational Emigration: Czechoslovakia's Educational Policy for Russian Emigrants (1918–1938). *Paedagogica Historica*, 45:3, pp. 369–402 (in English).
- Philliou, C. (2009) Communities on the Verge: Unraveling the Phanariot Ascendancy in Ottoman Governance. *Comparative Studies in Society and History*, no 51(1), pp. 151–181 (in English).
- Rhineland L. (1974) Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute. *Canadian Slavonic Papers, Revue Canadienne Des Slavistes*, no 16 (3), pp. 331–352 (in English).
- Rogatchevski A. (2006) Nikolaj Andreev v Prage (1927–1945): Materialy k biobibliografii [Nikolai Andreev in Prague (1927–1945): Materials for a Biobibliography]. *New Zealand Slavonic Journal*, no 40, pp. 115–161 (in Russian).
- Rosov V. A. (1997) Pis'ma A. P. Kalitinskogo v seminarij im. N. P. Kondakova [A. P. Kalitinsky's Letters to N. P. Kondakov Seminary]. *Ariavarta*, no 1, pp. 227–272 (in Russian).
- Serapionova E. P. (1995) *Rossijskaya eh migratsiya v Čechoslovatskoj respublike* [Russian Emigration in the Czechoslovak Republic], Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Sorokina M. Yu. Praga v sud'be sem'i Vernadskikh [Prague in the fate of the Vernadsky family]. *Slavia: Casopis pro slovanskou filologii*, Praha, 2011, R. 80, pp. 223–232 (in Russian).
- Tunkina I. V. (2008) A. A. Spitsyn i Gotskaya gruppa GAIMK [A. A. Spitsyn and the Gothic Group of GAIMK]. Available at: http://ranar.spb.ru/files/visual/Tunkina_PDF/Tunkina_Spitzyn.pdf (access 15 July 2020) (in Russian).
- Vernadsky G. V., Kalitinsky A. P. (1926) Otchet o rabotakh Seminariya imeni N. P. Kondakova v Prage za pervyj god ego sushhestvovaniya (po 17 fevralya 1926 g.) [Report on the Work of the Seminary Named after N. P. Kondakov in Prague during the First Year of its Existence (until February 17, 1926)]. *Sbornik statej, posvyashhennyj pamyati akademika N. P. Kondakova*, Prague: «Seminarium Kondakovianum», pp. 297–298 (in Russian).

Archives

Arhiv Jugoslavije [Archive of Yugoslavia], fond br. 66, fasc. br. 569, jed. 892–893.